

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ГЕНЕЗИСА
КОНСУЛЬСКОЙ ВЛАСТИ
В КОНСТИТУЦИИ РИМА
V В. ДО Н.Э.**

Консульская власть представляется нам органическим и неотъемлемым элементом римской политико-правовой системы. Ее исследованию посвящена обширная литература. Однако до сих пор продолжают дискуссии о времени учреждения консулата, его правовом статусе в конституционном устройстве Ранней республики и внутренней эволюции его прерогатив, прежде всего военных.

Разногласия возникают начиная с названия. Авторитеты письменной традиции именуют уже первых выборных правителей Рима со времени свержения царской власти в 510 г. до н.э. консулами, но многие древние авторы дают другое название - преторы¹. По данным Диона Кассия, впервые магистраты стали называться консулами после второй сецессии в 449 г., а до этого времени именовались преторами². Характерный термин *praetor* Дион Кассий употребляет и при описании конкретных событий начала Республики. Цицерон производит термин *praetor* от *praere*, причем отличает их от судей (*iudices*), хотя в его время именно преторы осуществляли высшую судебную власть³. Ливий также оговаривает, что до середины V в. "консула принято было называть не судьей, а претором" (III. 55. 11-12).

В настоящее время мало кто из исследователей сомневается в первоначальном названии высшей магистратуры Рима претурой⁴. На этрусские корни этой магистратуры указывает Бруно Д'Агостино⁵. А Ж. Эргон производил преторов от помощников царя и сопоставлял с этрусской коллегией во главе с *zylath* (= *praetor maximus*)⁶, однако подкрепить данными традиции эту версию не удается.

¹ *Gell.* VI.8.3; *Plin.* NH. XLIII.3.12; *Cic.* Orat. XX.165; *Fest.* P. 249.

² См.: *Zonar.* VII.19: *praetor* термин явно указывает на чисто военный характер должности первоначальных предводителей Рима в отличие от консулов.

³ См.: *Cic.* Leg. III.3.8. Обращает на себя внимание тот факт, что именно на первую половину V в. падает наибольшее количество упоминаний в источниках о сражениях военачальников впереди войск, нередко в поединках. См.: *Liv.* II.6.8; 47.2-3.

⁴ *Mazzarino S.* Dalla monarchia allo stato repubblicano. Catania, 1946; *Gjerstad E.* Innenpolitische und militärische Organization der frühromischer Zeit // ANRW. B.; N.Y., 1972. Bd. II, T. 1. S. 163, 182; *Staveley E.S.* Greek and Roman Voting and Elections. Ithaca (N.Y.), 1972. P. 125.

⁵ *D'Agostino B.* Military Organization and Social Structure in Archaic Etruria // *The Greek City: From Homer to Alexander.* Oxford, 1990. P. 60.

⁶ *Heurgon J.* The Rise of Rome to 264 B.C. L., 1973. P. 161 ff.; *Idem.* Magistratures romaine et magistratures etrusques // *Les origines de la republique romaine.* Geneva, 1967. P. 97-125; cp. *Palmer R.E.* The Archaic Community of the Romans. Cambridge, 1970. P. 215; *Bernardi A.* Dagli ausiliari del rex ai magistrati della respublica // *Athenaeum.* N.S. 1952. Vol. 30. P. 17 ff.

Вызывает также возражения точка зрения Г. Де Санктиса о переходе после свержения царей власти к коллегии трех преторов - командиров военных ополчений триб Тициев, Рамнов и Луцеро. В течение V в. Де Санктис предполагал перераспределение власти между ними: двое взяли на себя руководство военными действиями, а третий городским правосудием⁷. Но реформа Сервия Туллия середины VI в. до н.э. заменила родовые трибы территориальными, ополчения которых возглавляли, как известно, военные трибуны. Отсутствуют в источниках сведения и о коллегии трех магистратов, а специальный судебный претор был учрежден только в 367 г. до н.э.

В историографии главенствует мнение о единоличном вожде римской civitas в начале Республики - praetor maximus⁸. В самом деле, Валерий Попликола долгое время правил один⁹, а после избрания себе коллегой старшего по возрасту Лукреция передал ему в знак уважения фаски¹⁰. Но примечательно, что это единоличное правление Валерия трактуется традицией именно как нарушение конституционных норм. Не случайно и присутствие в консульских фастах с самого начала Республики всегда двух магистратов. Едва ли можно игнорировать и юридические свидетельства о введении после изгнания царей двух правителей общины и, соответственно, военной организации¹¹.

Итак анализ традиции не позволяет отрицать учреждение в Риме изначально двух преторов, избираемых центуриатным войском, а впоследствии центуриатными комициями. После того как часть функций царей узурпировал сенат, сакральные prerogatives были переданы rex sacrorum и жреческим коллегиям, преторы заняли важнейшую вакансию носителей высшего империя римского народа и получили право осуществления государственных auspicia для поддержания преемственности власти и непрерывности существования общины. Поскольку высший империй как божественный императив, аккумулирующий военную и сакральную мощь общины, мыслился римлянами как единый и неделимый, то и обладать им в каждый конкретный момент могло только одно лицо. С этим, несомненно, связана ежемесячная передача фасок как символа империя от одного претора к другому (*Cic. Resp. II. 31. 55*). Такой претор считался старшим (praetor maximus)¹², хотя второй сохранял свою potestas. В случае командования двумя армиями каждый претор получал высший империй, поскольку он выступал как единственный представитель всей civitas.

⁷ *De Sanctis G. Storia dei Romani. Torino, 1955. Vol. 1. P.404 ff.*

⁸ См.: *Saulnier Chr. L'armee et la guerre dans le monde etrusco-romain (VIII-IV s.). P., 1980. P. 92; Bleicken J. Die Verfassung der römischen Republik: Grundlagen und Entwicklung. Paderborn, 1975. S. 42, 77. Ср.: Кулаковский Ю.А. Армия в римском государстве // Универс. изв. Киев, 1881. № 10. С. 375.*

⁹ *Liv. II.7.6; Dionys. V. 19. 1-2.*

¹⁰ *Plut. Popl. 12; Cic. Resp. II.31.55.*

¹¹ D.1.2.16 ("затем после изгнания царей была учреждена (должность) двух консулов, на основании закона они пользовались царской властью", - но имеется ввиду, очевидно, ситуация после реформ 449 г., ибо подчеркивается наличие закона о провокации и учреждение цензуры (443 г.!)); *Cic. Resp. II. 25.45; 31. 53; Sall. Cat. 6.7.*

¹² *Cic. Resp. II. 31. 55; Val. Max. I. 8. 5; Liv. II.1.8 (omnia iura, omnia insignia primi consules tenere). Под 446 г. Ливий (III.70.1) замечает, что "In exercitu Romano cum duo consules essent potestate pari,... summa imperii concedente Agrippa penes collegam erat, et praelatus ille facilitate summitemis se comiter respondebat communicando consilia laudesque et aequando inparem sibi" (хотя оба консула располагали в войске одинаковыми полномочиями,... все же с согласия Агриппы вся полнота власти была передана другому консулу (Титу Квинцию Капитолину), который в ответ на незлобивость и уступчивость, по дружески делился с ним и замыслами, и славою, возвышая того, кто не мог с ним равняться). Отсюда вытекает, что: а) даже после реформ 449 г. высший империй мыслился единым; б) при преторах его аккумуляция у старшего претора была автоматической, что выявляет оговорку о "добровольности" его передачи Агриппой; в) процесс оформления коллегиальности консулов находился еще в самом начале и не был закреплен законом (lex) или обычаем (mos). См. также: *Richard J.-Cl. Les origines de la plebe romaine: Essai sur la formation du dualisme patricio-plebein. Rome, 1978. P. 470 - 472.**

Иерархию преторов, однако, следует в корне отличать от соподчинения: диктатор - *magister equitum*. Во-первых, оба претора избирались комициями, а диктатор назначал начальника конницы и, по меткому выражению А. Альфельди, командовал только им, но не всадниками¹³. Далее, преторы являлись носителями высшего империя и только на время уступали его диктатору для выполнения последним конкретной, узко военной задачи. При этом полномочия преторов сохранялись и автоматически возобновлялись сразу после сложения диктатором империя. Иначе говоря, власть диктатора была выше и сильнее, но в очень узких рамках, а власть преторов - крепче и стабильнее, что обеспечивало ее преемственность и легитимность в римском конституционном развитии¹⁴.

Однако хочется заметить, что с самого начала претура, как впоследствии и консулат, очутилась между двух огней, что наложило существенный отпечаток на ее конституционное оформление. Своим возникновением она обязана свержению царей группировкой знатных патрицианских родов, что было невозможно без опоры на военную силу. А такой силой уже стало реформированное Сервием Туллем центуриатное войско, порвавшее с родоплеменным делением общества и открытое для плебеев. Сенатский переворот 510 г. привел не только к узурпации власти сенатом и так называемой "куриатной реставрации" начала V в. до н.э., но и к всплеску политической роли центуриатного собрания, которое приобрело право ежегодно избирать себе и общине предводителей, а сервианская военная организация стала стержнем формирования нового, центуриатного строя римской *civitas*. И институт преторов, органически принадлежа этому строю, оказался в двойственном положении.

С одной стороны, преторы целиком зависели от сената. Они были выходцами из его среды и возвращались в него после окончания срока полномочий. Сенат непосредственно влиял на подбор кандидатур преторов и утверждал результаты выборов (*App. Rom. (Celt.)*. III. 5). Но с другой стороны, преторы были связаны с комициями, т.е. в сущности с центуриатной военной организацией. А на протяжении 1-й половины V в. в ее состав постепенно влились основные массы плебеев, ставшие ядром военных сил *civitas*.

Сенат представлял собой куриатно-родовой пережиток в республиканской государственной организации. Он не нес юридической ответственности за свои действия и управлял изменившейся *civitas* только через магистратов. Поэтому сенат с самого начала Республики столь ревниво и болезненно относился к претуре, стремился подчинить ее своей воле, сузить ее компетенцию, ограничить империй военной сферой или изымать его у преторов, при любой возможности заменяя претуру диктатурой, полностью подчиненной сенату, и в то же время всячески противился любым попыткам плебса в лице плебейских трибунов или самих преторов ввести преторские prerogatives в четкие правовые рамки. Характерно, что именно плебейскому трибуну Терентилию Гарсе Ливий приписывает требование об учреждении коллегии из пяти человек для выработки законов по уменьшению власти преторов, чтобы она опиралась на закон, а не на произвол (III.8-9; ср. *Aur. Vict. Vir. ill.*

¹³ Alföldi A. Der frögmische Reiteradel und seine Ehrenabzeichen. Baden-Baden, 1952. S. 18, Not. 16.

¹⁴ Подробнее см.: Токмаков В.Н. Цель и значение диктатуры в раннеримской республике (V-IV вв. до н.э.) // Социальные структуры и социальная психология античного мира: Докл. конф. российской ассоциации антиковедов. М., 1993. С. 108-115.

XXI. 1)¹⁵. Более того, учреждение плебейского трибуната в 494 г. до н.э. правомерно рассматривать как попытку ограничить полномочия преторов если не правовыми нормами, то противоположным полномочием трибунов, освященным принципами *sacrosancta*.

Всевластие сената над преторами можно объяснить тем, что они сохраняли характер военных вождей, как бы отчужденных от гражданской общины, и подавление малейших попыток проведения преторами независимой от сената внутренней политики только подтверждает это¹⁶. Но ответственность за нормальное функционирование военной организации также вынуждала преторов лавировать между сенатом и плебсом¹⁷. Ярким примером этого служит деятельность Валерия и Горация в 449 г. до н.э. Но представляется, что их реформы были вызваны не только и даже не столько их политическим центризмом и пониманием невозможности сохранения в изменившихся условиях господства сенатской аристократии, сколько их озабоченностью сохранением эффективности римской военной организации.

Полностью разделяя точку зрения об изменении названия высшей выборной магистратуры в середине V в. до н.э. после правления децемвиров и 2-й плебейской сессии, зададим вопрос: было ли это только изменением названия или же внутренней трансформацией этого института в соответствии с развитием римской конституции?

Примечательно, что за отмену претуры и введение децемвирата для кодификации законов активнее всего выступали плебеи. И предложение об избрании консулов в 449 г. до н.э. внес плебейский трибун Марк Дуиллий. И принято это предложение было собранием плебеев на Фламиниевом лугу. При этом Ливий отмечает характерное условие - "с правом обжалования" (*cum provocacione* - III. 54.14-15; 55.14). Тогда же возобновляется закон о провокации, нарушение которого каралось смертью, что позволяет отнести его к разряду *leges sacratae*¹⁸. Тем самым, отношения консула и *populus*, консула и комиций вводились в четкие правовые рамки, внешним выражением которых было усиление внимания не к сакральным, а к юридическим процедурам в деятельности консулов.

Далее необходимо отметить в консулате существенный шаг по внедрению принципа коллегиальности и равноправности¹⁹. Вероятно, с этого времени консулы приобрели

¹⁵ *Liv.* III.9.5: *que ne aeterna illis licentia sit, legem se promulgaturum, ut quinque viri creentur legibus de imperio consulari scribendis, quod populus in se ius dederit, eo consulem usurum; non ipsos libidinem ac licentiam suam pro lege habituros.* Характерен акцент Ливия на принятие закона именно *populus*, т.е. военизированным центуриатным собранием, и на боязнь *patres* попасть под ярмо "нового закона" в отсутствие консулов-преторов (*qua promulgata lege cum timerent patres, ne absentibus consulibus iugum acciperent...* - *Ibid.* 6). Следовательно, юридически неоформленная преторская должность была жизненно необходима и самому сенату для пролонгации бесконтрольной *patrum auctoritas*.

¹⁶ Об этом свидетельствуют примеры осуждения Сп. Кассия (*Liv.* II.41.2-10), игнорирование сенатом предложения Цезона Фабия о распределении земли среди плебеев (II.48.2), ненависть к консулу Т. Эмилию за аналогичное посягательство на прерогативы сената (III.1.2-3) и обвинения излишне независимых преторов в проведении трибунской политики (III.1.3 - *tribunicii se iactare actionibus...*). Все законопроекты этих преторов даже не ставились на обсуждение в сенате или отклонялись (см., например: II.31.8-9).

¹⁷ *Liv.* II.28.8 (*consules, quid mandatum esset a senatu, videbant; sed eorum, qui intra parietes curiae ferociter loquerentur, neminem adesse invidiae suae participem*); 31.8-10; *Dionys.* VI.43.2.

¹⁸ *Liv.* III.55.4-5: *sed etiam in posterum muniunt sanciendo novam legem, ne quis ullum magistratum sine provocacione crearet; qui creasset, eum ius fasque esset occidi, neve ea caedes capitalis noxae haberetur.* - характерно, что Ливий относит действие закона о провокации не только к обычному праву (*ius*), но и к высшему, божественному (*fas*); ср. *Ulp.* Off. procons. VIII.2202.

¹⁹ Мнению об установлении подлинной коллегиальности как результата борьбы сословий только в 367 г. до н.э. (De Martino F. *Storia della costituzione romana.* Napoli, 1958. Vol. 1. P. 189, 230-231), противоречит сообщение Диодора (XII.25.2) о предложении после 2-й сессии выбрать одного консула из патрициев, другого - из плебеев. При всей анахроничности оно отражает процесс превращения военной должности в общегражданскую магистратуру именно в ходе социально-политических реформ V в. до н.э. См. также примеч. 12.

интерцессии. Совещательный характер коллегии консулов означал совещание не только с сенатом, но прежде всего с комициями. В то же время анализ традиции выявляет некоторое дистанцирование консулов от сената во 2-й половине V в. до н.э.²⁰ Однако, это не означало снятия сенатского диктата. Просто он принял иную политико-правовую форму. Поле борьбы за влияние на консулов стали комиции, а отношения консулов с сенатом стали более равноправными, так как базировались уже не столько на *auctoritas patrum*, сколько на законах. Кроме того несмотря на сохранение патрицианского характера консулата, его коллегиальность приводила к конкуренции между собой различных патрицианских группировок и изначально открывала надежду на доступ к нему плебейской верхушки.

Именно эта перманентная угроза последнему бастиону сенатского господства подвергла консулат давлению не только снизу, со стороны комиций, но и сверху. Сенат, как известно, шел на ограничение компетенции консулов путем изъятия из их ведения ряда прерогатив прежних преторов, например, цензуры или назначения квесторов, переданного центуриатным комициям²¹, решения которых утверждались сенатом.

Таким образом, упрочив свою легитимность в системе формирующейся римской политической конституции, укрепив правовые рамки своей гражданской и военной компетенции, римский консулат с самого учреждения в ходе борьбы сословий оказался ослабленным как политический институт. Его престиж был подорван, и он эволюционировал в орудие сенатского правления. Это, на мой взгляд, явилось одной из причин введения консулярного трибуната и полувеккового сосуществования этих параллельных политических институтов. Лишь реформы Лициния - Секстия наполнили консулат реальным содержанием и окончательно превратили его в общегражданскую выборную магистратуру.

Но возможно ли на основе анализа сведений римской традиции о военных прерогативах высших магистратов подтвердить факт перехода от претуры к консулату в середине V в.? Рассмотрим вкратце эволюцию их важнейших функций в качестве военачальников. Как претор, так и консул обладали правом созывать сенат в случае военной угрозы, но объявлять войну и военные приготовления могли только с одобрения сената (*ex auctoritate patrum*)²². Однако, в первой половине V в. до н.э. типичной формулировкой источников было: "сенат объявил войну", "консулам (т.е. преторам) была поручена война"²³. Следовательно, из важнейшей для раннеримской *civitas* сферы были оттеснены не только центуриатные комиции, но и преторы. Они выступают простыми исполнителями воли сената и эту

²⁰ Например, отказы консулов подчиняться сенатским постановлениям и назначать диктатора (Liv.IV.26.7.) или проведения триумфов без согласия сената, но по решению комиций (см.Liv. III.63.8-9; VII.17.9; X.97.6-10; Dionys.VI.30.2; XI.49.2;50.1. Дионисий не случайно называет первыми зачинателями традиции проведения триумфов по решению комиций Валерия и Горация, которые после отказа им в триумфе сенатом, созвали толпу на совет и получили разрешение на триумф (Liv.III.63.8-9; Dionys.VI.30.2; XI.49.2;50.1). Однако, в первой половине V в. до н.э. типичной формулировкой источников было: "сенат объявил войну", "консулам (т.е. преторам) была поручена война" (Liv.III.63.9-10; Numquam ante de triumpho per populum actum, semper aestimationem arbitriumque eius honoris penes senatum fuisse. Ne reges quidem maiestatem summi ordinis imminuisse, - здесь примечательно уменьшение роли коллектива военнообязанных - *populus*; Liv.III.63.9-10; Liv.IV.26.7.). Однако, в первой половине V в. до н.э. типичной формулировкой источников было: "сенат объявил войну", "консулам (т.е. преторам) была поручена война" (Liv.III.63.9-10; Numquam ante de triumpho per populum actum, semper aestimationem arbitriumque eius honoris penes senatum fuisse. Ne reges quidem maiestatem summi ordinis imminuisse, - здесь примечательно уменьшение роли коллектива военнообязанных - *populus*; Liv.III.63.9-10; Liv.IV.26.7.).

²¹ Liv. IV.43.3; 12; 44.2-4; IX.30.3; Ср. о первом избрании квесторов народным собранием (Liv.III.3.6; 10.9; 30.3; IV.55.2; 58.8; VI.21.3; 27.9; Dionys. IV.63.2; V.23.2 VI.67.3; IX.61.1; X.43.1; XIV.6.5.

²² Liv. III.3.6; 10.9; 30.3; IV.55.2; 58.8; VI.21.3; 27.9; Dionys. IV.63.2; V.23.2 VI.67.3; IX.61.1; X.43.1; XIV.6.5.

²³ Liv. II.28.5; 30.9; 51.1; III.8.4.7.

зависимость не скрывает даже процедурное право претора специальным эдиктом назначать день и величину воинского набора²⁴, ибо это решение также должно было одобряться сенатом. Ливий нередко просто фиксирует, что "сенат повелевает произвести набор"²⁵.

Но начиная с середины V в. до н.э. в эту привычную формулировку начинает настойчиво вторгаться выражение об объявлении войны *iussu populi*²⁶. В 427 г. до н.э. возник спор, объявлять ли войну от имени народа или достаточно будет сенатского постановления. Тогда впервые настояли на том, чтобы консул внес предложение о войне в центуриатные комиции (*Liv.IV.30.15.*). С тех пор согласие комиций становится необходимой процедурой, а консул, по выражению Варрона, все больше "начинает приказывать через центуриатные комиции" (*VI.93*), опосредуя *patrum auctoritas* законодательным актом.

Обратимся к способу распределения провинций. В 1-й половине V в. они чаще всего определялись решениями сената²⁷, иногда соглашениями преторов между собой²⁸. С конца V в. распределение происходило либо жеребьевкой²⁹, либо очередностью (*Liv.VI.22.6; VII.23.2*), т.е. конституированной процедурой. Наконец, следует отметить, что деятельность полководцев, особенно в первой половине V в. была ограничена не только сенатом, вмешивавшемся в прерогативы и деятельность преторов, но и взаимоотношениями с самим войском. Несомненно, поэтому столь высокое значение имели личные качества полководца, умение убеждать, воодушевлять воинов. Их власть держалась не столько на законе и дисциплине, сколько на личном авторитете. Так, несмотря на свой неограниченный империй и отсутствие в войске провокации³⁰, преторы были не в силах запретить воинам тайные сходки в лагере (*Liv.II.58.8*), немислимые в более поздние времена. Свою ненависть к неугодным военачальникам войны могли выражать в открытом неповиновении, скверном исполнении приказов, отказах вступать в битву, в бегстве из боевых порядков в лагерь и т.д.³¹ Высшим проявлением политической активности войск были плебейские сецессии³². Бросается в глаза, что поводами подобных эксцессов было, как правило, нарушение претором своих обязательств перед воинами: жестокое или бездарное командование, ущемление при разделе воинской добычи, отказ распустить войска после окончания кампании или суровый набор войска, проведенный с нарушениями прав плебейских трибунов и "священных законов". Известны и противоположные случаи, когда воины требовали начать сражение³³.

²⁴ *Liv.* II.28.8; 39.9; III.8.7; *Dionys.* V.14.1; VI.23.2; VIII.87.5; *Val. Max.* VI.3.4; ср. *Polyb.* VI.19.5.

²⁵ *Liv.* II.27.10; 28.5; 32.1; III.10.9; 65.6; *Dionys.* VI.23.2; XI.3.5; 54.3. Так, Ливий (III.3.6) передает, что при вторжении эквов в 465 г. консул Квинкий *vocato dein senatu cum ex auctoritate patrum iustitio indicto profectus ad tutandos fines esset*, а в 409 г. консулы *ad quod bellum ubi ex senatus consulto ... dilectum habere occipiunt* (*IV.55.2*). Бросается в глаза разница словоупотребления между аморфной родовой *patrum auctoritas* и юридически оформленным *senatusconsultum*, что, несомненно, указывает на изменение в течение V в. правовых взаимоотношений между консулами и сенатом при сохранении последнего военного контроля над военной организацией.

²⁶ *Liv.* IV.30.15; 58.8; VI.21.5; VII.6.7; 11.2; 31.2; IX.45.8; *Dionys.* X.16.1; XI.23.1; *Diod.* XII.80.7.

²⁷ *Liv.* II.51.1; 53.5; III.2.3; 8.4-7; 25.9; *Dionys.* XI.54.3.

²⁸ *Liv.* III.3.6; 10.9; 22.3; 57.9; 70.1.

²⁹ *Liv.* IV.37.6; 43.1; V.29.5; VI.22.6; VII.23.1-2; X.24.

³⁰ *Cic. Leg.* III.3.6; *Liv.* II.59.9-11; *Polyb.* VI.12.7.

³¹ *Liv.* II.43.7-9; 44.11; 25; 58-59; 61; III.2.12; 17.1; 42.2; 66.3; *Dionys.* IX.3.4-5; 4.1; 8.3; 20.4; 33.3; 20.4; 33.3-4; 50.3-7; XI.54.3; 59.4; *Cic. Resp.* II.37.62.

³² О плебейских сецессиях как вооруженных восстаниях плебейской части войск см.: Binger J. *Die Plebs*. Leipzig, 1909. S.370; *Nicolini G.* *Il tribunato della plebe*. Milano, 1932. P. 30.

³³ *Liv.* II.31.5-6; 65.3; III.62.5.

Тем более любопытно присуждение воинами золотой короны Цинциннату за хорошее командование и приветствие его как патрона воинов (III.29.3). Этот факт позволяет уточнить суть взаимоотношений воинов с претором. Вероятно, преторы восприняли от царей роль патронов воинов³⁴. Объясняется это тем, что, взяв оружие, воины превращались как бы в неграждан и оказывались в прямой клиентской зависимости от претора как носителя империя. Воины приносили ему присягу верности и вручали свои жизни³⁵, но в обмен на встречные обязательства. Невыполнение этих обязательств влекло за собой соответствующую реакцию. Она проявлялась также в столь частых в 1-й половине V в. до н.э. привлеченных преторов к суду за плохое командование или нарушение соглашений патрициев и плебеев³⁶. С середины V в. до н.э. взаимоотношения консулов и воинов постепенно начинают строиться на юридических принципах, на строгом соблюдении процедуры. Резко возрастает роль дисциплины. Прерогативы консула вводятся в конституционно-правовые рамки. А само войско превращается из общинного ополчения под началом вождя-претора в стержень механизма государства под управлением уполномоченного им магистрата.

Итак, можно ли рассматривать претуру как аналог консульской власти или, напротив, как переходный, промежуточный этап от царской власти к консулату? И та и другая точки зрения представляются неполными. Претура возникла после свержения царей вынужденно для заполнения зияющей лакуны военного предводительства, руководства военной организацией формирующейся цивитас. Одновременно она служила инструментом трансформации нелегитимной власти *patrum auctoritas* в акт государственного управления. Таким образом, претуру можно рассматривать как первый этап складывания выборной магистратуры в условиях становления гражданского общества. Но поскольку ядром гражданской общины в Риме стала военная центуриатная организация, то и претура закономерно вышла за свои первоначальные военные рамки и трансформировалась в общегражданскую исполнительную магистратуру, сохранив, укрепив и конституировав прежние преторские прерогативы. В заключение следует подчеркнуть, что развитие консулата как важного института римской политической системы также происходило в постоянном диалектическом противоречии с другой системой управления - узкословным патрицианским сенатом, который пытался посредством консулата вписаться в республиканскую конституцию³⁷.

V . N . Т О К М А К О В

ALCUNI ASPETTI DEL POTERE CONSOLARE NELLA COSTITUZIONE

³⁴ О царях как патронах плебса см.: *De Martino F.* Op. cit. P. 140 ff.

³⁵ *Liv.* II.32.1-2: in consulum verba iurassent, sacramento teneri militem rati; 45.14-15; III.20.3; IV.5.2; 30.14; 53.8; VII.16.8: ...per milites iuratos in consulis verba...; *Dionys.* X.18; XI. 43. 2: $\square \otimes \square \& \square \text{S}$ $\square \odot$ $\blacklozenge \square \text{S}$ $\blacklozenge \text{S}$ $\blacklozenge \text{S}$ $\& \square \text{S}$. Очевидно, что основным термином для обозначения присяги консулам был у Ливия *sacramentum*, что опять-таки вызывает определенные ассоциации с *leges sacratae*, за нарушение которых полагалась смертная казнь (*Cic. Leg.* II. 22). И преторы (консулы) этим правом нередко пользовались, например, Аппий Клавдий в 471 г. (*Liv.* II. 59. 9-11; *Dionys.* IX. 50. 6; *Frontin.* IV. I. 33).

³⁶ *Liv.* II.52.6; 54.3; III.13. 7-10; 21.5; 31.5-6; 56.1-12; *Dionys.* IX.27.2; 46.4; 48.2-3; 49.1-5; 51.2; *Cic. Resp.* II.35.60.

³⁷ Подробнее о сенате см.: *Токмаков В.Н.* Римский сенат и центуриатная военная организация в период Ранней республики (V-IV вв. до н.э.) // ВДИ. 1994. № 2. С. 34-49.

DELLA ROMA DEL V SEC. A.C.

(RIASSUNTO)

Nella genesi del potere del console romano si possono rilevare parecchie fasi. Com'è noto, dopo il rovesciamento del potere dei re si creò la carica dei due pretori. Muniti degli auspici pubblici, essi erano i portatori dell'*imperium* supremo nell'organizzazione militare della *civitas*. In quanto, secondo i romani, l'*imperium* era unico ed indivisibile, i pretori lo avevano a turno, ed il portatore dell'*imperium* era considerato supremo (*maximus*). Fin dalla sua origine, però, la pretura si trovava in una situazione contraddittoria. Il senato, il quale rappresentava la sopravvivenza delle tribù nella costituzione repubblicana e che usurpava tutto il potere dopo la cacciata dei re, esercitava una pressione molto forte sulla pretura. Ma il senato non aveva organi propri per il governo diretto, ed era costretto ad usare la pretura cercando di subordinarla. Con tali finalità, il senato cercava sempre di limitare la competenza dei pretori, il loro *imperium* militare. Le fonti testimoniano che nella prima metà del V sec. a.C., basandosi sulla *auctoritas patrum*, il senato ha usurpato il diritto della dichiarazione di guerra, il controllo del reclutamento. Allo stesso tempo, il senato contrastava aspramente la determinazione legale delle funzioni dei pretori per salvare il proprio governo. Dall'altra parte, però, l'istituto dei pretori era limitato dal sistema centuriato, in quanto essi erano eletti nei comizi centuriati. Così, i pretori erano costretti a destreggiarsi tra la plebe ed il senato, e, abbastanza spesso, ledere l'*auctoritas patrum*.

Le contraddizioni interne alla pretura, l'incertezza circa i suoi poteri e il suo posto nel sistema politico, hanno portato all'introduzione del decemvirato ed alla

sostituzione dei pretori con i consoli, grazie ai tribuni plebei ed ai concili della plebe. Si deve rilevare che il consolato era un organo collegiale e paritario. I consoli sono diventati una parte necessaria della costituzione mista. Il potere consolare era più forte di quello pretorio, i suoi limiti, però, erano legalmente delineati. L'introduzione della *provocatio* ha limitato la mancanza di controllo da parte del popolo. Il senato ha preferito limitare la competenza dei consoli ed ha trasferito alcune loro competenze ad altre magistrature che venivano create. Tramite questa attività senatoria l'*imperium* dei consoli venne gradualmente frantumato. Si deve sottolineare un paradosso: il consolato aveva rafforzato la propria legittimità nella costituzione politica, ma le sue competenze erano diminuite, da una parte, ad opera del senato, il quale voleva controllare tale potere, dall'altra ad opera dei nobili plebei che desideravano ottenere l'accesso al governo dello stato. A mio avviso, proprio questo fatto ha contribuito alla così facile introduzione dell'istituto parallelo di governo, cioè dei *tribuni militum consulari potestate*.

Così, la pretura romana era la prima fase della formazione della magistratura elettiva della società civile. Il potere pretorio era basato sull'*imperium* sacrale, sull'autorità del duce militare, sulle relazioni del patronato. In quanto a Roma proprio l'organizzazione militare centuriata era la base del sistema politico della *civitas* arcaica, la pretura era uscita dai limiti militari, e si era trasformata in una carica civile. Il consolato ha conservato le prerogative militari limitate, però, giuridicamente. Dunque, la conservazione del governo del senato e la lotta di classe hanno prolungato il processo di trasformazione del consolato nella magistratura suprema fino agli anni sessanta del IV sec. a.C.

